

ВЕСТИ НАУКОГРАДА

СПЕЦВЫПУСК К 9 МАЯ

**ХРАНИ ВАС БОГ,
НАШИ ДОРОГИЕ!**

Дорогие наши славные воины, защитники России!

Жители наукограда Кольцово Новосибирской области в очередной раз обращаются к вам со словами благодарности и поддержки. Наши два крыла — всемирно известный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор» и Сибирский кольцевой источник фотонов, а также наши научные организации продолжают свою деятельность по укреплению научно-технологического суверенитета России вместе со всеми жителями наукограда.

Но судьба нашего Отечества, будущее нашей Родины, ее счастье и процветание сегодня всецело зависят от вас, ваших ратных подвигов на передовой.

В наукограде продолжают оказывать помощь и поддержку как участникам СВО, бойцам, мужественно сражающимся с врагом ради чистого неба над головой и мирного будущего нашей любимой России, так и членам их семей в тылу. Кольцовцы регулярно отправляют в зону СВО гуманитарную помощь, собранную трудовыми коллективами и простыми гражданами, а также изготовленные нашими волонтерами носилки, маскировочные сети, пятиточечники, окопные свечи и многое другое. Кроме того, специальный фонд «Мой наукоград» продолжает посылать на передовую дроны, тепловизоры, радиостанции, аккумуляторы и другое оборудование, приобретенное за счет средств жителей наукограда.

Вы держите в руках очередной выпуск народного литературного творчества жителей наукограда. Здесь опубликованы стихи, рассказы, детские письма и рисунки со словами поддержки и благодарности за ваш ратный труд, а также посвященные Победе нашего народа в Великой Отечественной войне.

Читайте, дорогие наши защитники, этот спецвыпуск с творческими работами наших кольцовцев! Мы от всего сердца желаем вам удачи и ждем с победой! Поздравляем вас с наступающим Днем Победы! Храни вас Бог! С вами — вся Россия, вся Сибирь и наш наукоград Кольцово!

С уважением,
мэр наукограда Кольцово Новосибирской области,
заслуженный работник местного самоуправления,
член Союза писателей России
Николай Красников

Подарок Сергея Григорьевича Марковчина — крест из блиндажного храма, возведенного для бойцов на передовой, — заставил меня еще раз задуматься о той особенной вере, которая рождается на войне, где, как говорил генерал, никого не нужно заставлять верить... Хочу поделиться своими поэтическими строчками. Они родились у меня вчера в самолете, по дороге из Москвы домой. Давайте помнить о ребятах, которые сейчас в зоне спецоперации выполняют свой долг! Им как никогда нужна помощь Бога. Держим за них кулачки и поддерживаем как можем!

Возвращение символа веры

«Храни Вас Бог!» — как часто я писал
На своих книжках, их даря солдатам...
Сегодня мне бывалый генерал
В ответ вручил простой и небогатый

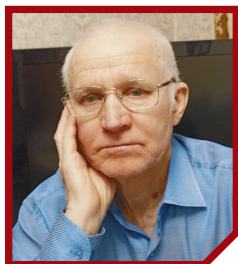
Крест деревянный с образом Христа
Из блиндажа подземного — из храма,
Где вера в Бога зрима и проста,
И безусловна, как улыбка мамы.

...Блиндажный храм с окопным алтарем,
С иконою нестройной, самодельной,
С молитвой перед боем: «Поживем!...»,
И с высотой надежды запредельной.

Она и прикрывает от огня,
И не бросает, если «затрехсотил»...
Здесь Вера в Бога — общая броня,
Дух только с ней не отделим от плоти.

Нет атеистов, правда, на войне:
Уж слишком близко до свиданья с Богом...
Какой заряд вернули Веры мне,
Со смыслом вечным и глубоким!..

23 апреля 2026 г.

**ВИКТОР
САННИКОВ**

пенсионер,
член литературно-
поэтического клуба
«Родник Кольцово»

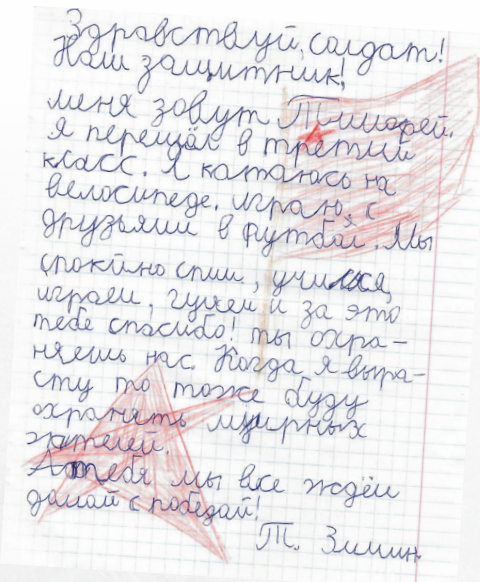
В сорок первом под Клином

Той зимой в сорок первом под Клином
Немцев мы выбивали клин клином.
Был мороз, в танке холодом жгло,
Люк закрыв, сохраняли тепло.
А броня от мороза трещала,
Нам казалось, что этого мало.
Шла пехота и сыпала матом,
С трёхлинейкой, порой с автоматом.
Уходила за цепью цепь,
Чтобы к Богу скорее поспеть.
Каждый знал: за спиной — столица,
Да от холода слиплись ресницы.

Стыла кровь, замерзали сто грамм,
Разведённые пополам.
Но о том, что Победа за нами,
Над Рейхстагом поднимется знамя,

Каждый знал: рядовой, генерал,
Бог об этом им всем подсказал.
Бились долгих четыре года,
Иногда помогала погода,
И тогда «седой генерал»
Немцев сотнями в гроб паковал.
Русский дух и оружия слава
Бить врага нам всегда помогала!

Так зимой в сорок первом под Клином
Немцев мы выбивали клин клином...

На Берлин

На дорожку, на дорожку
Мы раскурим козью ножку,
А подсумочки патронами набьём.
Позади наша граница,
И Рейхстаг уже не снится,
До него совсем подать рукой.

Немцы круто окопались,
Но в окопы мы ворвались.
Завязался рукопашный бой.
И сапёрные лопатки
Немчуру рубали хватко,
Это был жестокий бой.

А на утро перекличка.
Все бойцы у нас в наличке,
И команда: «Снова в бой!»
Нас на броню танкисты взяли,
А катюши поддерживали,
На Берлин мы шли стеной.

Были Пловдив и Варшава,
Да бойцов легло немало.
Каждый был из них герой.
На дорожку, на дорожку
Мы осушим за них сошку,
И команда: «Снова в бой!»

До Берлина мы прорвались.
Да полроты потерялись,
Каждый был из них герой.
На дорожку, на дорожку
Мы поднимем за них сошку,
И команда: «Снова в бой!»

Над Рейхстагом знамя вьётся!
Всем спасибо полководцам,
И поклонимся солдатам,
Что, ругаясь русским матом,
Шли на немцев с автоматом.
Победителей не судят,
Бог нас тоже не осудит.
Мы с Победой — домой.

У Рейхстага на дорожку
Мы раскурим козью ножку.
И с Победой — домой.
У Рейхстага за минутку,
Мы раскурим самокрутку,
И с победой — домой.

Встретит нас страна родная,
И ликуя, и рыдая...
Это было в сорок пятом,
Это было в мае, в мае!
И от Волги до Дуная
Все познали цену рая.
Все познали цену рая,
Силу русского штыка.
День Победы — это праздник,
Это память поколений —
Сохраним её в грядущие века!

Брестская крепость

Я Брестская крепость, мне не надо
подмоги.
Я Брестская крепость, да помогут мне
боги.
Я мал золотник, со мной нельзя не
считаться.
Страна не колосс, она — великое
братство.

Вдруг враг вероломно напал на страну.
Страна поднялась на святую войну,
И каждый, кто может винтовку держать,
Пошёл защищать свою Родину-мать.

Мальчонка на палочке вместо коня,
Парнишка запал мастерит у огня,
А мать всё ворчит: «Куда ты, малец?»
«Туда, где врага бьёт родной мой
отец!»

Отчаянно бьётся весь мой гарнизон,
Врагу ни за что не достанется он.
Но силы неравны в открытом бою,
Уйдём в подземелье — я всех утаю.

И мучила жажда, хоть близко река.
Короткая «строчка», и нет котелка,
Во фляжке от пули зияет дыра,
Забрезжил рассвет, возвращаться пора.

Вот дети проснутся, им захочется пить,
И раненым надо хоть губы смочить...
Над гладью реки за клубился туман,
Молчит пулемёт, задремал басурман.

Лишь трель соловья в предрассветную
мглу —
То пташка войну объявляет врагу.
Вот каска снята, и в ней плещет вода...
Врагов будем бить мы бесстрашно
всегда.

Последний снаряд и последний патрон —
Всё будет потом, всё будет потом...
Оторваны силы на главный удар,
И план Барбаросса постигнет провал.

Из архива

**ТАТЬЯНА
ПЕРВОВА (БАБАК)**

пенсионер, член
Совета ветеранов,
автор проектов
специальных
для участников СВО

Это наша жизнь

Это наша жизнь — наши промахи и беды.
Это наша жизнь — все и битвы, и победы.

Это наша боль — наши горе и печали.
Защищая Русь родную, мы врага встречали.

Шли на смертные бои все пращурь России,
Помнят, кто пришёл с мечами, о могучей
силе.

Знают о Суворове и помнят о Кутузове,
Помнят, только взгляд на мир — почему-то
сузили.

Так бывает, если позабыть историю —
Кто откуда родом... и про территорию...

Под защитой русских братьев в дружном
хороводе
Русь пребудет в мире как единство всех
народов.

Русь была, и есть, и будет, несмотря на
беды,
И о прошлом не забудет, помня все победы.
12 февраля 2026 г.

Александра
Парфёнова

Храни вас Бог, сыны Отечества!

Храни вас Бог, сыны Отечества,
В ком сохранились честь и боль
За отчий край, Россию в вечности,
За веру, русскость — снова в бой.

Готовы встать по зову Родины
Велению своей души,
Чтоб отстоять вновь Русь народную,
Вы — первые, кто поспешит.

По силам зов — увь, не каждому:
С отвагою исполнить долг...
Но вы, в ком честь и боль, — отважные —
Плечом к плечу! Храни вас Бог!
8 февраля 2026 г.

Код Победы

Русский Мир установлен, братский
мир завоёван
Миллионами павших в тех жесто-
ких боях.
Каждый год в День Победы Миром
дань отдаём мы
Тем далёким, военным, всем нам
памятным дням.

И о них всё читаем, песни
дружно поём мы,
Из рассказов черпаем, что
из уст да в уста.
Нам, потомкам по крови,
Код Победы даётся.
И о том с честью помним —
не забыть до конца.

Пусть придёт непогода, наш
порыв не заглушит.
День ненастный назначен нам
природой в помин
Давних дней тех минувших,
скорбных дат не нарушив,
Освещает Всевышний
поминаям своим.

Состоятся парады в городах
всей России
С демонстрацией мощи
победившей страны.
Мы едины и рады несгибаемой
силе,
Что исконно даётся от Руси
старины.

Но бои вновь идут за народы
державы,
За свободу, добытую кровью
наших солдат.
Чтобы Русский наш Мир был
всегда уважаем
Защитим Код Победы!
И ни шагу назад!

7 января 2026 г.

Русь есть!

Здесь красивы рассветы,
Ещё лучше закаты.
Здесь старинны заветы
И природа богата.

Люди здесь все приветны
И гостям всегда рады...
Грусть в глазах чуть заметна,
Будто в чём виноваты.

Нам стыдиться не должно,
Я сказать не боюсь —
Мы ни в чём не виновны,
Просто мы любим Русь!

Мы возвращенные ею,
Мы воспитаны здесь, —
Не расстанемся с нею.
Как прекрасно — Русь есть!

**АЛЬБИНА
ЗИМИНА**

педагог
дошкольного
образования
со стажем 49 лет,
член Союза
пенсионеров науко-
града Кольцово

Мечта матери

Вот снова бой на Спасской башне,
Сомкнулись стрелки — бьют часы,
И Новый год в права вступает
В объятьях шумной суеты.

А дома мать глядит в окошко,
Веселья нет, и не до сна,
И на столе одно лишь фото:
Сын в форме, рядышком — она.

И видит мать — как будто чудо в яви:
Сынок с бойцами тесно у стола,
Не светится там елочка огнями,
Она из провода на стенке блиндажа.

На ней игрушки — русские матрешки —
Подарок воинам от юной детворы
И письма с детским пожеланием:
Домой с победой ждут вас малыши!

Мы верим все, что чудо скоро будет:
И Дед Мороз, и елка, и запах мандарин,
И у груди мать сына приглубит,
Заметив, сколько есть на голове его
седин.

5 января 2026 г.

Разные слёзы

В тихом парке на скамейке
Мать от счастья слёзы льёт.
Первыми шажками
К ней сынок идёт.

В тихом парке на скамейке
Мать от счастья слёзы льёт.
С лучшей девочкой по парку
Её сыночка идёт.

В тихом парке на скамейке
Мать от горя слёзы льёт.
А в руке её известье —
Сын к ней больше не придёт.

Дома ждут его медали —
Сын за подвиг получил.
Храбрым был он,
Очень сильно свою Родину любил.

В тихом парке на скамейке
Бабушка там слёзы льёт.
Торопливыми шажками
К ней её внучок идёт.

Солнце вышло из-за тучи
Слезы утирай с лица.
Твоё счастье вот шагает —
Ты лови скорей мальца!

25 апреля 2026 г.

**НИКОЛАЙ
ВИШНЯКОВ**

*тренер
по пауэрлифтингу,
инструктор
по спорту*

Песня о войне

В те горячие дни, в те горячие ночи
Наступала война, словно полчища волчи.
Уходили на фронт молодые парнишки,
Про любовь и весну зная только из книжки.
А война, а война никого не щадила,
Хоть безусым юнцам восемнадцать лишь было.

Молодые мальчишки, молодые солдаты,
Невозможно забыть той тяжелой утраты,
Этих страшных потерь на кровавой меже,
Память Вечным огнем не погаснет в душе.

Пусть проклятая смерть им глядела в лицо,
Не нашлось среди них хитрецов-подлецов,
И Отчизну смогли, защитили они,
Не дожив, не увидев победной весны!

Много весен прошло с той торжественной
даты,
Вновь страну защищают молодые солдаты,
Молодые солдаты, молодые парнишки,
Про любовь и весну зная только из книжки.

Сражается взвод...

Сталинграду посвящается

На танки! На танки!
Броском вперед!
В смертельном бою
Сражается взвод.

Грохот железа,
Взрывы и смерть.
Дожить до рассвета
Им не суметь.

За ними — Волга,
За ними — страна,
Только победа
Солдатам нужна...

И память потомков,
И слава, и честь.
Дорога в бессмертие
Проложена здесь.

Ася
Богачева

Сталинград

Век солдата — меньше суток,
Командира — десять дней.
В жерлах страшных мясорубок —
Жизнь страны решалась в ней.

Здесь от крови снег клубился,
Был горячим от огня,
И свинцовая водица
Волги плавилась до дна.

Здесь за дом сражались каждый,
За клочок, за пядь земли.
Люди мучались от жажды
Под холодный вой пурги.

Небо было только серым —
Пепел, сажа, копоть, дым.
Не угасла наша вера:
Сталинград не отдадим!

Баррикады, баррикады,
Рядом — Тракторный завод,
Без героизма, без бравады
Но держался насмерть взвод.

Двадцать три — число нечётно,
Горе выпито до дна,
Словно памятник почётный,
Дома Павлова стена.

Двадцать три — их так немного,
А фашистам нет конца.
Только шестерым угодно
Было выйти из кольца.

На плацдарме, на плацдарме,
У распаханной реки,
Воевали, умирали
За Россию мужики.

За Россию, за Россию,
За родимую страну,
И откуда брали силы,
До сих пор я не пойму.

Сталинград, священной нету
Той истерзанной земли,
Здесь и взрослые, и дети
Выживали, как могли.

Алина
Ачкасова

Рабочий человек

Простой рабочий человек,
Не быдло и не раб,
Когда поймете, что успех
Ваш на его плечах?

Когда поймете, только он
Усилием своим,
Своей работой и трудом
Вам славу приносил?

Не слишком ли задрали нос:
Продажа, Холдинг, Власть.
Лишь честь его — в работе злость
Всегда спасала вас.

Он пережил немало бед,
Он заводской навек,
Простой рабочий человек,
Источник всех побед!

Ленинград. Блокада...

Какие светлые берёзы,
Какие светлые глаза,
А по лицу струятся слёзы
О том, о чём забыть нельзя.

Не пережившим — не понять,
Беды и горя не измерить.
Но надо — помнить,
Надо — знать,
Но надо — жить,
Но надо — верить!

Здесь, посреди сиянья дня,
Волненье Вечного огня,
Лесов — зелёная стена,
Здесь бесконечна тишина...

Блокада — ужаса лицо,
Блокада — голода кольцо,
Сто двадцать пять блокадных
грамм
С войной и кровью пополам.

Блокада — детские сердца,
Истаявшие до конца
Под белым снегом января
Без пищи, света и тепла.

Холодный город, серый бред,
Застывших улиц полусвет,
И тени-призраки людей
В те девятьсот проклятых дней,
Когда не ад — ни боль, ни смерть.
И худших мук, чем голод, нет!

И лёд стеклянный переправы
По Ладоге, и метроном,
В виски стучащий день за днём,
Как сердце города живое,
Не признающее покоя,
Но все ж сулящее покой.

И санок скрип, и впереди —
Им в нашей памяти идти.

**ВАЛЕНТИНА
ГОРАК**

*специалист
по кадрам,
Союз пенсионеров
Кольцово,
член Союза
писателей России*

Душно

А мир вспухает новою войной.
Клубятся тучи грозовые.
Душно.
Взбесился всё же разум мировой.
И в преисподней
Вельзевулу скучно.

На поясе его собачья голова
Должна залаять
в ночи истечение.
Что ж, пройден Рубикон!
И выжжено дотла,
Как поле боя —
Божье изволение.

ОН — сдался.
Тот, кто там, на небесах.
ОН долго спорил
с глупостью и спесью
Детей своих...
и действием, и в словах.
Но им тот спор,
он не был... интересен.

Ещё не полыхает, не горит.
Ещё не Ад,
но лишь преддверье оно.
И Бог...
ещё он с нами говорит:
«Опомнитесь,
вернитесь в моё лоно».

Но как услышать, коли нет ушей,
Биенье сердца, коли сердца нету?
О мир,
истлевших истин и вещей.
О мир,
себя сживающий со свету!

Из архива

А время уходит

А время уходит...
Я, вытянув шею,
смотрю ему вслед.
Каким оно было?
То время, которого нет.
И точно не будет
уже на земле никогда.
Счастливого время,
где я так была молода...

Ах, как же люблю я
то время, за что, не пойму.
Да просто за то, что светло там,
в родимом дому.
И пол подметён,
рукомойник же полон воды.
И мирное время.
И нет ни войны, ни беды...

Война отгремела.
Не будет возврата назад.
И голуби мира
по мирному небу летят.
И всем уже ясно:
война — есть удел дикарей.
И мир молодой, он для нас,
для счастливых людей!

Клубился рассветов
изнеженно розовый дым.
Рядились закаты
в пурпурно-загадочный грим.
А счастье бродило за нами,
как преданный пёс.
А мы — от него,
в мир пустых
и несбыточных грёз.

Но это не важно,
ведь это всего только жизнь.
Так даст подзатыльник порою,
что только держись.
Но, лоб почесав,
головой покачав,
тронешь ноту струны.
Да это ли горе?
Ведь, главное, нету войны!

А значит всё можно
постичь, одолеть и избыть.
И мы постигали,
учились и жить, и любить.
И наш сериал был не плох,
Но... давно хеппи-энд.
И титры мелькают:
включите, пожалуйста, свет.

Мы тихо уходим...
Уходим один за другим.
Но искренне верим,
что мир наш был Богом любим.
Вы лишь не воюйте!
Ну что вам делить меж собой?
А Миру пусть — Мир!
И рассвет пусть встаёт над Землёй!

**ЛЮБОВЬ
ЛЮБАРЕЦ**

*член Совета
ветеранов
наукограда
Кольцово*

Семейный альбом

Тихо снег ложится на дорогу,
Замечает чьи-то он следы.
Нам тепло, спокойно и уютно дома
У растопленной печи.
Смотрим фотографии в альбоме,
Память в лицах — это на года.
Были сыновья совсем мальчишки,
А теперь — седая голова.
Вот наш старший — это на присяге:
Выправка и форма так к лицу!
А на этом снимке — сын Серёжа
В Тихом океане на посту.
Это — внук на службе в Балашихе, —
Видно, что серьёзный он солдат.
Довелось участвовать в параде —
По брусчатке он чеканил шаг.
В самом сердце Родины, в столице,
Мимо Мавзолея и трибун
Шёл солдат Росгвардии России.
Мы тобой гордимся, славный внук!

*Памяти учителя-фронтовика
Николая Филипповича Лихошерстова*

Было это очень давно,
Мы не слышали гром канонады,
Но воспитаны были мы
Уважению нашим солдатам.

В школе старый учитель был,
Всю войну прошагал с автоматом
И носил он в груди своей
Осколок шального снаряда.

Когда вёл уроки у нас,
Слышно было дыхание соседа.
Покидать не хотелось класс,
Хотя шла уж давно перемена.

А на праздник ему приносили
Цветов ароматных охапки.
И скупая слеза катилась
По щеке героя-солдата.

Валерия
Сухоребрик

**ГЕННАДИЙ
ПОПОВ**

*пенсионер, ветеран
труда НСО,
руководитель
литературно-
поэтического клуба
«Родник Кольцово»*

Мы встретились взглядом

*Открытию мемориала
«Стена памяти» посвящаю*

Стою я молча у мемориала...
Глаза защитников на нас устремлены.
Как много Родина уже вас потеряла
Из-за ведомой с недругом войны

Не сгладить остроту возникшей боли
И тяжесть не измерить у неё,
Но надо жить, собрав всю силу воли,
И победить навеки вороньё!

Я взгляд поймал бойца с мемориала:
Не хмурый, не унылый, не в слезах!
А верящий: чтоб жизнь другою стала,
Должны мы веру сохранить в сердцах.

Её, конечно, подпитать делами,
Поддерживать ребят на передке
Вещами, письмами и добрыми стихами
На этом трудном жизненном витке.

Утраты боль не стихнет и с годами.
Бессмертный подвиг их не будет позабыт.
Победа ждёт! Она будет за нами!
И непременно враг будет разбит!

Апрель, 2025 г.

Гремят на полигоне взрывы

Казалось мне, война давно уж отремела
И взрывы бомб — лишь в памяти отца.
И по наивности мог заявить я смело:
«Вновь боль войны не ощутят сердца».

Но я ошибся на восьмом десятке:
Она пришла, соглася не спросив.
Ушёл на фронт мой зять без разрядки,
В нём дух патриотизма не остыл.

Готовят их сейчас на бой кровавый.
На полигонах вспоминают вновь
И навыки, и опыт свой бывалый,
И дом родной, и первую любовь.

И, получая весточку скупую,
Я слышу взрывы мирные пока.
И верю, биться будут не вслепую,
А бить уверенно и лишь наверняка.

И пусть гремят на полигоне взрывы!
Они — гаранты будущих побед.
А дети, возвратясь, все будут живы,
Мир защитив собой на много лет.

*Алёна
Селиванова*

За нас всё говорят букеты

Не нужно нам сегодня много слов,
За нас всё говорят букеты.
Склоняем головы пред подвигом отцов
В великий праздник, праздник День
Победы.

Бессмертный подвиг их неповторим.
Их героизм есть гордость поколений.
О павших светлый образ сохраним.
Перед живущими мы встанем на
колени!

8 мая 2015 г.

Поклон вам низкий, наши волонтеры!

Вновь написать о силе духа,
Единстве наших матерей
Хочу, чтобы дошёл до слуха
Поступок женщин поскорей.

Короткий миг, но в мыслях растянулся
И смог соединить влияние времён.
Я в «Технополисе» вчера
соприкоснулся
С людьми, чей дух и крепок, и силен.

Да! Это были наши волонтеры!
О возрасте не буду говорить.
Пусть славят их сибирские просторы,
И песни про таких не грех сложить.

Я наблюдал процесс шитья полотен.
Работают — ну просто мастер-класс!
Труд семерых здесь равен труду сотен!
Какой творите подвиг вы сейчас!

Жужжат машинки, полотно сшивают,
Иголки, ножницы, лекала — всё в
ходу!
И как светло! Сердца ведь освещают!
А атмосфера — как весной в саду!

Таким трудом, патриотизмом снова
Вы помогаете СВОим на передке.
Поклон вам низкий, женщины
Кольцово!
Успехов вам на жизненном витке!

Январь, 2026 г.

*Диана
Рябуха*

Я верю в май

Идёт борьба за выживание,
Борьба громадных двух систем:
Нам нужен мир и созидание,
А ИМ — распоряжаться всем.

Мы любим труд и в нём находим
Великий смысл бытия,
Всё что-то ищем, производим,
Иной раз чудеса творя.

Гордимся всем мы, что имеем:
Ведь нашим создано трудом!
И в подсознании разумею,
Что всё основано на том.

Возможно, уберечь не можем
Плоды совместного труда,
Поэтому и у нас тоже
Родятся воры иногда.

Но эти мелочи не портят
Дороги в будущее нам.
Их всех когда-нибудь изловят,
Исчезнет в нашей жизни срам.

Своей открытостью сегодня
Друзей находим и найдём.
И с позволения Господня
Растёт число их с каждым днём.

Чем больше к нам друзей приходит,
Сильнее нервничают ТАМ.
И много способов находят,
Чтоб помешать расцвету нам.

От санкций до прямых нападков
И разжигания войны,
Всё в ход идёт. Но как же гадок
Он смотрится со стороны!

И осознание народом,
Противоборствующим нам,
Мы наблюдаем с каждым годом,
Что ценят дружбу по делам.

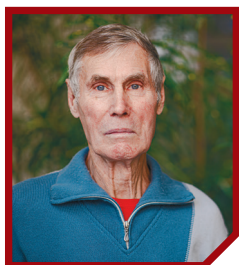
И в демонстрациях протестных
К своим властям обращены
Призывы быть к народу честным
Хотя бы у своей страны.

Мы — на пороге Первомай.
Он раньше всех объединял
И, под знамёна привлекая,
Он силой правды наполнял.

Хоть изменилась жизнь намного,
Но кушать хочется всегда.
К нормальной жизни есть дорога.
И май направит всех туда!

Я верю в май. Он нам победу
Руками дедов подарил.
И подвиг их, и веру эту
Господь навеки окропил!

Апрель, 2024 г.

**ОЛЕГ
ЕГОРОВ**

пенсионер,
волонтер
организации
«Золотые руки
ангела»

МАМА

Первая картинка в Алькиной памяти, в которой он хорошо видит мать: лето, жара, он идёт с ней за руку. Альке — лет пять, а матери — около сорока, она тонкая, худая, платье на ней лёгкое, развеивается вокруг ног и задевает сына. Походка у неё быстрая, стремительная, она торопится, и Алька за ней еле успевает, хотя старается вовсю: сделает несколько шагов и подбежит немного, опять прошагает — опять подбежит, и так всю дорогу.

Идут они далеко, на четвёртый стройучасток, там в лагере сидит отцова двоюродная сестра, тётя Валя Приблигина, её посадили за растрату, дали двадцать пять лет. Из разговоров взрослых Алька знает, что посадили её неправильно: начальство воровало, а свалило всё на кладовщицу, ей и вlepили на всю катушку, вот теперь попала в лагерь, что находится в Новосибирске, где есть родная душа, брат — хоть есть кому передачу принести. Но отец весь день на заводе, никто его днём не отпустит, вот и идут Алька с матерью, несут немудрёный гостинец: несколько варёных яиц и кусок сала (курочки свои, сало тоже от своей свиньи), а ещё вкусные булочки — венская сдоба, мать вчера стряпала, целый таз напекла на всю ораву. Алька сам напросился идти — очень уж не любит он сидеть дома, ему бы только идти куда-то, что-то новое увидеть, а дома что интересного? Места мало, даже не побегаешь, братья уже большие, с ними не поиграешь, а по шее получить — за просто, особенно Шурка любит драться: чуть что не так — ребром ладони по шее, мать на него за это ругается.

Вот Алька с матерью прошли свою улицу, начались большие каменные дома, вдоль них — асфальтированный тротуар и ряд огромных тополей, под ними идти попрохладней. Дошли до углового дома, это «Пятнадцатый», дом с магазинами, здесь всегда под стеной стоит тележка, толстая тётка в белом халате торгует газ-

водой: с сиропом — тридцать копеек, без сиропа — десять. Жарко, пить хочется, мать в потной руке сжимает десятник — с деньгами в семье туго, а этот специально захватила из дома, сейчас дойдут до тележки и возьмут стакан «белой» воды, без сиропа, попьют холодненькой.

Но, не дойдя до тележки, увидели ничего — стоит мужик, худой, одет совсем плохо, рука одна скрючена, другая протянута за подаванием. Мать замедлила шаги и остановилась:

— А что, Алька, потерпим до тёти Вали? Там напьёмся из крана бесплатной.

Алька хоть и хотел глотнуть холодной газировки, чтоб в горле защекотало, но вредничать не стал, мать привык слушаться:

— Конечно, потерпим, — ответил он как можно бодрее и сглотнул слюну, — ещё как потерпим.

И сердобольная мать вложила последний десятник в протянутую руку: «Наверно, на фронте покалечен, мой-то, хоть и работал сутками, но цел и невредим, а у этого калеки тоже, поди, ребятишки дома, кормить надо».

Из лагеря мать с сыном возвращались уже под вечер, жара спала и пить не хотелось — напились от души в лагере у тёти Вали, теперь уже есть хотелось. Тележки с газводой у «Пятнадцатого» уже не стояло, зато под стеной валялся тот самый мужик, которому мама отдала последние десять копеек, себе отказала в стакане воды — и вот... Рядом лежала пустая бутылка из-под водки, и рука у «инвалида» была вполне нормальная — Алька это заметил и всё понял. А мать не произнесла ни слова, только подумала: «Бог тебе судья!». И Алька промолчал.

По малости лет Алька не задумывался, любит он мать или нет, она была — и это было естественно, как воздух, как вода, как солнце, которое встаёт каждое утро. Так же каждое утро вставала мама, когда все ещё спали, готовила завтрак, будила и отправляла старших ребят на учёбу и принималась за бесконечные домашние дела. А в семье, где шестеро детей, их ох как много! И Алька это видел. У корыта — со стиркой, у плиты — с готовкой, за швейной машинкой — с шитьём: мать ни минуты не сидела без дела, а делам этим конца-краю не было. Только вечером, когда вся семья соберётся в их небольшом деревянном домишке и когда поужинают все вместе — уплетут

большую сковороду жаренной на гидро-жире картошки, только тогда появлялся какой-то продых в работе. Отец садился с папироской у печки и вкусно курил, пуская дым в приоткрытую дверку, а мать устраивалась с вязанием или вышивкой. Алька самозабвенно любил такие вечера: тепло, уютно, день закончился, и скоро спать. Он пристраивался около тёплой печки и просил:

— Мам, расскажи что-нибудь!

— Да что ж рассказать? Я вам всё уже рассказала.

— Ну, из жизни что-нибудь, какие-нибудь случаи.

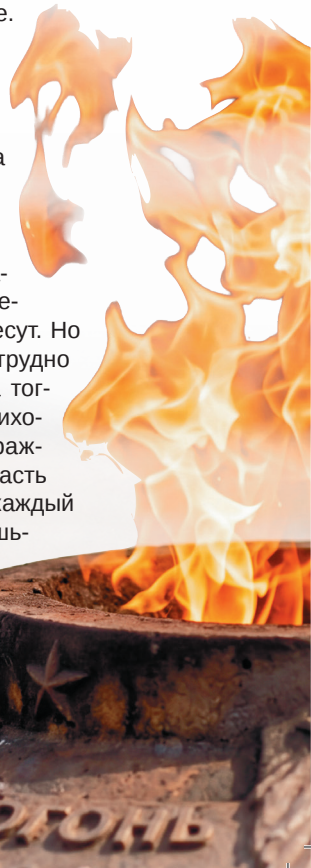
— Да я вам всё уже порассказывала на сто рядов.

— Ещё расскажи — как маленькой была. Ну расскажи!

И мать неторопливо начинала вспоминать и рассказывать, а руки меж тем делали свою работу, спицы в них только мелькали, накидывая петлю за петлёй:

— Было это уже после революции, жили мы тогда на Урале, в Башкирии. Было мне лет девять-десять, вот как нашей Нинке, а отца у нас уже не было. Он, отец наш, ваш дедушка, был машинистом на паровозе, простудился в поездке и умер от воспаления лёгких, оставил маму и нас четверых. Последний, Коля, только родился.

Вот и мыкали горе. Мама наша была портнихой, шила на людей, этим и кормилась. Да заказчицы иногда попадались сердобольные: видя кучу ребятишек в доме, кроме платы за работу то хлеба, то яиц принесут. Но всё равно очень трудно жили, голодно, да тогда всем трудно приходилось — шла Гражданская война, власть менялась чуть не каждый день. Спать ложись — белые, утром про-

сыпаешься — красные, или наоборот. Хотя мы в этом тогда мало чего понимали, нам, главное, кушать всегда хотелось. Особенно зимой. Поэтому зимой все ждали лета, и все разговоры были только о нём.

Посёлок наш был небольшой, и с трёх сторон его окружали леса, хорошие сосновые леса, а с четвёртой стороны бежала речка Инзер — небольшая, но чистая, светлая, все камушки на дне видно, мы в ней купались. И горы кругом, как волны, только застывшие. Ой, такая красота на Урале! Нигде больше такой не встречала.

Вот и тогда кончилась, наконец, зима, появилась первая зелень: крапива, сныть, медунки. А немного погодя и стебли саранок вымахали во весь рост, их хорошо заметно среди другой травы. Саранки — это цветы такие, сиренево-розовые, лепестки у них как кольца выгибаются, прямо царские цветы. Но самое главное, за что мы их любили — это их корень, вернее, луковица, из которой растёт саранка. Луковица эта мучнистая, сытная, можно есть вместо хлеба — отламывай дольки-чешуйки и ешь, отламывай и ешь — очень вкусно. И сытно.

Собрались мы как-то четверо девченок: я со старшей сестрой Шуркой и ещё две сестры, из соседей, Надька и Зойка, те постарше, лет около четырнадцати. Надька с Зойкой нас и повели, они в лес уже ходили без взрослых, не боялись заблудиться. И нас мама с ними отпустила, чтобы подкормиться.

Лето ещё только началось, комаров пока было мало, и мы весело бежали по дороге: пели, дурачились, смеялись. День начинался ясный, тёплый, и у нас на душе было радостно. Дорога вошла в лес, под ногами стали попадаться сухие сосновые шишки, мы стали ими кидаться друг в друга, стало ещё веселее. А потом Надька увидела первую

саранку: она ещё не расцвела, только набрала бутоны, но возвышалась над остальной травой, как свечка.

— Ура! Я нашла! — крикнула Надька и присела выкапывать съедобный корень. Мы подбежали к ней посмотреть — интересно, всё-таки первая саранка нынче.

— Чего стоите? Ищите сами — их здесь полно.

И мы тоже стали высматривать высокие стебли с ярусами узких длинных листиков — их ни с чем не спутаешь. Инашли. Одну выкопав, посмотришь — в стороне ещё одна виднеется, а то и две, а то и три. Так переходим от одной к другой и выкапываем. Нам с Шуркой мама дала ножки и привязала их верёвочкой к поясу, чтобы не потеряли, вот этими ножками мы саранки и выкапывали: землю вокруг луковицы разрыхлим, разроем, а когда она оголится, берёшься за неё и выдёргиваешь, потом стебель обрезаешь и кладёшь в мешочек. Но прежде, чем положить, обязательно попробуешь: отщипнёшь несколько долек, очистишь их от земли о траву — и в рот! Вку-у-сно!

Мать так смачно произнесла это «Вку-у-сно!», что у Альки, никогда даже не видевшего саранок, во рту повлажнело от слюней, и он непроизвольно сглотнул. А мать замолчала, задумалась, видимо, вспоминая те незабываемые ощущения детства.

— А дальше? — вернул её к действительности Алька.

— А дальше? Дальше мы все так увлеклись этой добычей, что не заметили, как разбрелись по лесу, потеряли друг друга из вида. После очередной «добычи» я распрямилась, огляделась и не увидела никого вокруг. Мне стало страшно, и я закричала:

— Шурка-а! Надька-а!

Но никто не отозвался. Тогда я побежала в ту сторону, откуда пришла, и вскоре увидела в высокой траве, что кто-то копается в земле, и сразу обрадовалась — нашла своих! Но этот «кто-то» вдруг выпрямился, из травы показалась лохматая тёмная башка — медведь! Я со страху заорала благим матом: «А-а-а-а-а!», и рванула сломя голову не знаю куда. Но далеко не убежала, запнулась о корягу и растянулась. Дальше помню только, что подошли девчонки, а я всё ещё живая, лежу и реву, не могу остановиться.

— Ты чего орала? — спрашивают. Я еле смогла выдать из себя:

— Медведь.

Девчонки поняли, что я не вру, и сразу посерьёзтели, заоглядывались, а старшая тут же скомандовала:

— Всё, пошли домой.

Договорились дома не говорить о медведе, а то в лес больше не пустят, но, конечно, кто-то из нас проговорился. И мама нас за собранные саранки похвалила, а в лес одним ходить запретила. Вот такая была история.

— И что, больше никогда и в лесу не была? — спросил Алька, с замиранием сердца слушавший рассказ матери.

— Да нет, потом это как-то постепенно забылось, и мы снова стали ходить в лес, только поняли, что надо побольше шуметь, разговаривать, тогда медведь будет слышать тебя и не подойдёт близко, он человека боится. Любой зверь человека боится.

Мать замолчала, углубилась в вязание. Молчали и ребяташки, переваривая услышанное. Через некоторое время, будто что-то вспомнив, мать снова заговорила:

— Бойться-то бояться, да не всегда. Хорошо, когда зверь сытый да здоровый, он тогда и добрый. А если голодный, если раненый — вот и злым становится, готов свой страх пересилить, на всё готов. Также и человек. Сколько людей от голода преступниками становилось — подумать страшно! В войну и я столкнулась — не приведи Господь! — чуть жива осталась.

— Мам, расскажи! — сразу ухватился Алька, обрадованный, что может услышать ещё одну историю.

Зимний вечер тянулся спокойно и неторопливо, старшие ребята занимались уроками, а ребятня развесила уши, предвкушая новый рассказ, и мать снова заговорила:

— Я вам рассказывала уже, что во время войны мы жили в Улан-Удэ, это возле Байкала. Отец сутками с завода не вылазил, они самолёты делали, а я с тремя ребяташками дома горе мыкала, Танюшка ещё совсем маленькая была. Голодно жили, недоедали, и ведь не купишь ничего — только что по карточкам получишь. Очистки у соседей забирали, варили, жмых доставали на свиноферме и ели, летом всякую траву-лебеду собирали. Страшная это штука — голод, я три раза его испытала: в Гражданскую войну, в тридцатых годах и в последнюю войну. Не дай Бог! Если ещё раз это повторится, я этого не вынесу, умру.

Так вот, к концу войны мы все стали от голода пухнуть, это болезнь такая: вроде должен худеть, раз голодный, а ты, наоборот, распухаешь, и сердце увеличивается — тут и до смерти недалеко. И вот, чтобы спастись, особенно детей спасти (сердце разрывается на них голодных смотреть), стала я, какие были у нас вещи, на продукты менять. А обменять можно только в деревне, вот я и повадилась в ближайшую бурятскую деревню ходить, а до неё тоже не близко, километров десять было, и, конечно, пешком, какой тогда транспорт? Оставляю Танюшку на старших — Игоря с Шуркой, а сама убегаю и несусь-тороплюсь, чтобы поскорее вернуться, всё сердце изболится.

В последнюю военную зиму это и случилось. Обменяла я своё платье — синее, шерстяное, любимое — на мешочек муки и кусок сала, сложила эти драгоценности в сумку (была у меня такая чёрная дерматиновая) и помчалась домой. А дело уже к вечеру, сумерки наступают. Вышла за деревню — дорога пустынная, петляет по голым сопкам, позёмка небольшая метёт — уныло и страшновато, но куда деваться, стараюсь о плохом не думать, бегу-тороплюсь. На полпути пересекла речку Уду: речка небольшая, а долина широкая, ровная, и далеко видать по бокам в обе стороны. И с одной стороны заметила: что-то движется вдоль речки в сторону дороги, ко мне. Я поддала ходу, сильно уж не хотелось мне с кем-то встречаться, и оглянулась, когда уже поднялась на высокий берег. Оглянулась и обмерла: это «что-то» было уже на дороге, и на нём сверкнули две острые жёлтые точки: волк! Я побежала бегом. Бежала, не оглядываясь, мне казалось, что волк уже дышит в затылок, что вот-вот наскочит на меня, сомнёт и растерзает, и удивлялась, что всё ещё бегу. И вдруг в вечерних сумерках я увидела человеческий силуэт на дороге, он приближался, я его догоняла. Я поняла, что это моё спасение — только бы успеть добежать, только бы успеть! Кричать я не могла — не хватало дыхания — только стремилась со всех сил вперёд, уже еле переставляя свои неуклюжие валенки.

И успела, догнала своего случайного попутчика, уткнулась ему в спину и только смогла выговорить: «Волк!», и без сил опустилась на колени.

— Где? — испуганно проговорил дядька, никак не ожидавший встречи на пустынной дороге. Мы оба стали вглядываться назад в темь, но только лёгкая

позёмка мела через дорогу да электрические столбы терялись в темноте.

— Ты откуда взялась? — уставился на меня дядька. Был он худющий, одет плохо, в каком-то тряпье, лица я не могла разглядеть. Помню только, что было оно чёрное и небритое, а голос слабый и какой-то неприятный, скрипучий. «Бандит какой-то, — сразу подумалось мне, — вот попала: из огня да в полымя!»

— Я домой бегу, в самолётный посёлок, дети и муж у меня там, — говорю.

Про мужа специально добавила, чтобы острастка какая-то была, хотя знала, что он на заводе и помочь мне ничем не сможет. А мужик, смотрю, уставился на мою сумку, смотрит так странно, как ненормальный, и рука его к сумке тянется, тянется, уже за ручку берётся и начинает тянуть к себе. И тут я сразу поняла, у меня в голове как искрой пробило: он же голодный и от голода теряет рассудок, от него можно ожидать чего угодно. Видимо, тоже ходил в деревню за едой, но не повезло, ничего не достал. Мне бы его подкормить, поделиться немного... Но дома дети голодные, ждут. Как представила себе их распухшие тельца, их голодные, похожие на старческие, лица: Игорька, Шурика, совсем маленькой Танюшки — вся моя жалость мигом исчезла и появилась дикая злость. Этот несчастный дядька стоял между нами: чтобы они жили, мне нужно было через него перешагнуть. И я перешагнула. Откуда только силы взялись? От волка бежала на последнем дыхании, а тут сумку с едой к себе так рванула, что чуть руку этому дядьке не оторвала, отскочила вместе с сумкой и как заору:

— Не да-а-м!

Повернулась и пошла быстрым шагом дальше к дому. Иду и сама плачу, слёзы льются — не могу остановить: от страха, от нечеловеческой усталости, от жалости ко всем и к самой себе. Так и пришла домой, мужик за мной не погнался, у него, видимо, и сил не было за мной идти. Может, там и замёрз на дороге, тогда много голодных замерзло.

Закончив рассказ, мать сложила вязание, воткнула спицы в клубок:

— Ну всё, спать пора, давайте укладываться.

Алька с Нинкой, не дожидаясь повторной команды, схватили лавку, на которой сидели, и подтащили её к кровати, а мать получившийся «аэродром» стала застилать всем, что висело на вешалке: телогрейками, пальто. Потом все сходили на горшок и стали укладываться

спать — четверо ребятишек поперёк кровати, иначе просто не хватало места в избе. Когда улеглись, мать подошла, чтобы было теплее, а Альку погладила по лысой голове. Она, наверно, и других приласкала, Алька не видел, поэтому подумал, что его мама любит больше других. И ещё подумал: «Странно, руки такие шершавые, все в чёрных трещинах, а гладят так мягко. Странно».

— Мам, а завтра ещё расскажешь чего-нибудь?

— Спи, спи, конечно, расскажу.

Через много лет взрослый мужчина, тот самый Алька, просолённый-просмоленный таёжной жизнью, из которого слезу невозможно было вышибить никакими жизненными передрыганиями, прозванный в своём кругу Железным Феликсом, стоял, обняв берёзу, и плакал, горько плакал, не стесняясь своих слёз, а они всё текли и текли. Рядом в могилу только что опустили гроб с телом матери. До этого ни слезинки не мог он из себя выдавить, хотя сёстры и говорили:

— Олег, ты поплачь, легче станет.

Не плакалось. Только давило внутри, давило до боли. Сколько народа пришлось проводить в последний путь простую пенсионерку, домохозяйку! Сколько добра она сделала людям — напоила чаем, помогла советом, приютила, сказала доброе слово! И вот её опустили в землю — навсегда! Её больше не будет — никогда! И так стало горько от этого, невыносимо горько, что слёзы сами полились ручьём. Олег отошёл от могилы, обняв берёзу и стоял, плакал и не старался сдержаться. И не было стыдно, что он, Железный Феликс, плачет, как семилетний пацан, потерявший рубль, полученный на кино.

И небо всплакнуло в эту минуту: набежала тучка и брызнула дождиком. А потом быстро убежала. И слёзы сами собой стали утихать, утихать — и прекратились.

Олеся
Дульцева

**ВАЛЕНТИН
ИВАНОВ**

доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник ИЯФ СО РАН

Что мы знаем о войне

Всё реже снятся посвисты снарядов,
Всё глуше тех, военных лет гроза,
Всё меньше переживших дни блокады,
Кто нам бы смог об этом рассказать.

Гордились мы, что наше поколение
Жило, не зная ужасов войны,
Но Будапешт и Прага дали зренье
Увидеть фальшь стандартов тех двойных.

Потом Афган и тысячи убитых,
И вот террор явил своё лицо:
Будённовск, ставший рано открытой,
«Норд-Ост» и запах газа пред концом.

Кошмар Беслана не пройдёт с годами,
И дети, пережившие беду,
Вновь шепчут помертвевшими губами:
«Я больше, мама, в школу не пойду!..»

Нам память сохранила и поныне
Картины из военных кинолент,
Как шли, чеканя шаг, по Украине
Немецкие солдаты группы «Центр».

Хатынь в Одессе, пламенем объятай,
И крики: «Москаля ты подогрей!».
Горят, горят славянские ребята
Под хохот полупьяных дикарей.

Славянск и Краматорск пока живые,
Но гарью затянута вся страна.
Трубят нам сбор горнисты полковые,
Поскольку не окончена война.

15 сентября 2004 г. – 6 мая 2014 г.

Противостояние

«Абрамсы» и «Леопарды»
На Украине горят.
С подлинно русским азартом
Жжёт их российский солдат.

«Пэтриоты» и «Брэдли»
Греет родной «Солнцепёк».
Залпы «Акаций» немедля
Гасят «тройной сапог».

Прямо на встречу с Бандерой
Новых фашистов пошлём.
Снова за Русь и за веру,
Как наши предки, пойдём.

27 февраля 2024 г.

Эпизод

Роща впереди меня горела,
Я за этим нервно наблюдал:
Там под перекрестие прицела
«Леопард» немецкий напал.

Здесь решение нужно принять быстро, —
Вряд ли будешь жив, коль что не так.
Я успел чуть раньше сделать выстрел
И всадил снаряд под бензобак.

Танк передо мной, как на экране,
Догорал на берегу реки...
Мы славяне и они славяне,
Только в этой схватке мы враги.

У танкиста жизнь и впрямь — жестянка.
Я увидел, как сквозь чёрный смог,
Через нижний люк из брюха танка
Выполз украинский паренёк.

Бледный он лежал в тени от башни.
Перед смертью, в общем, все равны,
И сказал он: «Умирать не страшно.
Страшно жить без цели, пацаны!»

28 октября 2023 г.

Последний бой

Под башню главного калибра
Ударил вражеский фугас,
И наш корабль, швартовы выбрав,
В последний бой выводит нас.

Вот рубка пламенем объята,
Разбит машинный телеграф.
Броня оплавилась, ребята,
Обшивку взрывом разорвав.

Убиты штурман и радисты,
Все шлюпки за борт сметены,
И след торпеды серебристый
Наш курс пресёк в конце войны.

Вот крейсер вздрогнул от удара,
Опасно корпус накреня,
Теперь у нас лишь шансов пара:
Смерть от воды или огня.

И полетят тут телеграммы:
«Ваш сын героически пал в бою...».
Нам не придётся утром ранним
На флаг и гюйс стоять в строю.

Узнав, тихонько охнет мама,
И поседает враз отец.
Девчонка будет ждать упрямо,
Не веря в страшный твой конец.

Здесь море братскою могилой
Навечно станет морякам,
И только волны с новой силой
Швыряют пену к облакам.

25 октября 2020 г.

**ЮЛИЯ
МАГЕР**

предприниматель

Телефон молчит почти неделю

Телефон молчит почти неделю,
Нет звонка и сообщения нет.
Честно, я не паникую, я верю,
После каждого затмения рассвет.

Всё как ты сказал, я это помню.
Я стараюсь и себя держу в руках.
Только по ночам порой невольно
По спине мурашками проходит страх.

Дочка часто спрашивает, где ты.
Иногда заплачет, прям ручьём.
Без тебя не ест свои конфеты,
Говорит, что с папой чай попьём.

Сын порой ко мне присядет рядом,
К шее прижимается лицом.
Сам молчит, но вижу я по взгляду,
Что своим гордится он отцом.

Ты не думай, я тут не раскисла.
Я в режиме «дом, работа, сад».
На календаре мелькают числа.
Скоро ты приедешь, скоро март.

Я надеюсь, ты там осторожен.
Безрассудно в драку не беги.
Ты нам дома очень сильно нужен,
Ты для нас себя побереги.

12 февраля 2026 г.

*Александра
Павлова*

**ВЕРА
МАРХАЕВА**

пенсионер, член
литературно-
поэтического клуба
«Родник Кольцово»

Светлана

Далеко не молодая, не улыбочивая, с тревожно-грустным выражением лица женщина, небрежно одетая во всё тёмное, на проходящих мимо производила впечатление душевнобольной, и прохожие сторонились ее при встрече.

Пожилой мужчина с костыльком, прихрамывая, тоже намеревался отойти в сторону от этой «убогой», но вдруг резко повернулся к ней, вопросительно-изумленно воскликнул:

— Светлана?

Женщина равнодушно шагнула вперед, потом остановилась и, не поворачиваясь, спросила:

— Вы кто?

— Светлана! Да я же Павел! Мы работали с твоим Петром до войны на заводе! Ты же у нас была кассиршей! Помню твои светлые кудряшки, выбивающиеся из-под косынки, да ямочки на щеках, когда ты улыбалась.

— Прилетели птицы чёрные, склевали мое счастье... — тихо, невнятно и не оборачиваясь, промолвила женщина. Потом обернулась, подняла глаза на собеседника, продолжила уже доверительно:

— На Петрушу я на первого получила похоронку... А потом — на мальчишек... На младшенького... на старшего... Сынки ушли добровольцами, следом за отцом... А я всё в душе надежду теплила, что в такой кутерьме, может, ошиблись с бумагами, может, они живые где. В госпиталь пошла работать, эшелоны с ранеными встречать. Эшелоны приходили днем и ночью, я не замечала времени суток, сердце заходило от ожидания встречи с родными чертами. И вдруг на носилках я увидела сына, Володюшку, младшенького... Без сознания. Живого места от ран нет. Хирург после операции сказал:

— Иди, мать, к сыну. Жить будет. Всё, что в силах было спасти, спас... Руки и ноги частично ампутированы...

Я в палату... Спит сын... Но это не мой сын! Похожий! А сердце уже прикипело. Выхожу, думаю, заберу домой, а там... видно будет.

Красавица

Воздух нашей северной столицы навсквозь пропитан историей, во всех ее проявлениях. Как многослойный пирог: не насытишься.

Каждый свой приезд в Петербург, считая с Ленинграда, я начинаю с экскурсии по душевному и духовному его улицам. И всякий раз Питер одаривает меня новой историей, кажущейся порой незапамятной в его эпохальных событиях. И вот я вновь в экскурсионном автобусе, рассматриваю знакомые улицы любимого мною города.

Остановка в Александровском парке. Это недалеко от Петропавловской крепости. Здесь мини-город, музей под открытым небом, и как на ладони все достопримечательности Петербурга. Ты стоишь рядом с Исаакиевским собором и чувствуешь себя Гулливером в стране лилипутов. Кстати, когда покидаешь центр, направляясь в новые микрорайоны, то высотки в двадцать семь этажей смотрят на тебя горящими окнами-глазами как на лилипута. Одно слово — «человейники».

— А сейчас мы проезжаем наш Ленинградский зоосад, — слышу голос экскурсовода.

— Почему Ленинградский? — спрашиваю.

— Ленинградский, — с ударением на каждый слог повторяет экскурсовод. — Это дань памяти служителям зоосада за время блокады. Не все их имена сохранились в истории: документы сгорели в огне войны. Мало кто из служителей пережил блокаду. А вот бегемот Красавица не только пережил блокаду, но и стал долгожителем. Бессловесный свидетель мужества и силы духа.

Я вернулась в зоосад. Захотелось поближе познакомиться с Красавицей. Вхожу в музей. Маленькая каморка, где вшестером тесно. Топчан и самые необходимые вещи для быта сотрудников зоосада. Эта каморка стала для них практически домом. Силы таяли с каждым днём. А на стенах — фотографии... Черно-белые... На них — питомцы зоосада. Вот и Красавица. Фото 1935 года.

В зоосаде она появилась в 1911 году, пережила блокаду и жила до 1951 года.

Рядом со мной у фотографии — мальчишка. Лет семи, в тёмных очках.

— Ну, Агент 007, как Вас зовут? — обратилась я к мальчишке.

— Алёшка, — ответил он.

— Мы из Курска, а здесь недавно. Сыну сделали операцию, — вмешалась его мама. — Пока очки снимать рано. Вот решили на зверей посмотреть.

— А ты знаешь историю этого бегемота? — спросила я Алёшку.

Он пожал неопределенно плечами.

— Давай вместе знакомиться с Красавицей, с местной знаменитостью. Посмотри, какой гигант эта Красавица! Вес её — полторы тонны. И в день ей нужно от сорока до семидесяти килограммов корма. В еде она гурман, очень избирательна. Питается больше всего растеньями, но водоросли не ест, хотя живет в воде. А тут война... Блокада... Смесь из растений уменьшилась для Красавицы в десять раз. Всё остальное — распаренные опилки, просто для заполнения желудка. Красавица стоически переносила все тяготы, словно понимая, что Евдокии Ивановне Дашиной еще тяжелее. Это она заботилась о Красавице. Корм готовила. Ежедневно приносила с Невы по семь ведер воды. Водопровод уже не работал, да и свет включался уже редко. Воду приходилось греть на костре. Вместо дров горело всё, что может гореть. Обливали Красавицу теплой водой, смазывали кожу бегемота растительным маслом, оберегая от повреждений. Это масло Евдокия Ивановна отрывала от своего скудного блокадного пайка.

— А можно было съесть этого бегемота? — прозвучал чей-то голос.

Фраза повисла в воздухе.

— Как это? — воскликнул Алёшка. И слезы покатались по его щеке.

— Это о человеке можно сказать: толстокожий, как бегемот, равнодушный, — тихо проговорила вошедшая служительница. — А у бегемота кожа тонкая и очень чувствительная.

И вдруг мне почудилось, что Красавица с фотографии улыбнулась Алёшке своей бегемотинской улыбкой, мысленно сказав: «Хороший ты парнишка, Алёшка!»

**АННА
ПАХОМОВА**

педагог
Кольцовской
детской школы
искусств

*Моему другу, Валерию Грозину,
посвящается*

Ода сурепке

В Украине рвутся снаряды,
Над Сибирью грохочет гром, —
Так невовремя и нарядно
Расцвела сурепка кругом.

Порассыпало лето в сроки
Искры солнечного костра
На обских берегах отлогих
И обрывистых склонах Днепра.

В детской памяти держится цепко
Образ Родины дорогой, —
Мне сегодня цветок сурепки
Вдруг принёс его в дождь проливной.

В ту далёкую пору нередко
Босоногою ребятнёй
Мимо зарослей жёлтой сурепки
Всё мы бегали день-деньской.

К ней наклонишься — пахнет мёдом,
Сдобной булкой и молоком,
Пахнет близким, родным и знакомым,
Тем, что с детства зовут «отчий дом».

А какой ароматный и терпкий,
Что не выразит скудный мой слог,
Растекается у сурепки
По зелёным прожилкам сок!

Мы срывали стебли тугие,
Их жевали смеющимися ртом.
Да, мы были совсем другие,
Мы не знали, что будет потом.

Узы братские стали некрепки,
Давней дружбы иссяк родник,
Нынче кажется, кроме сурепки,
Нас ничто уже не роднит.

Нам сказали: держаться, крепиться,
Пока гром канонады не стих,
Сыновей славян светлых
Разделить на своих и чужих.

Мы плечом к плечу встали рядом,
Слёз не видно в дождь и грозу,
Ведь они так и катятся градом,
По щекам стекают, ползут.

Плачет ливнями мать-природа
И надрывно рокошет гром:
Сколько жизней ушло за три года
В никуда, под откос, на слом!

В Украине земля пустеет,
Всё в погостах окрест Днепра.
Зёрна будущего там не зреют,
И мечты разбиваются в прах.

Свищут дроны, жестоки и метки,
Поливают стальные дожди,
Хлещут прямо по стеблям сурепки —
Не поднимутся больше, не жди.

Дуют ветры заморские, злые,
Веют с дальней, чужой стороны
И несут семена иные
На поля опустелой страны.

Если смоква там вскинёт ветки
Иль распустится рододендрон,
Вряд ли место найдётся сурепке
В тени густо сплетённых крон.

Из-за склона уже показались
Англичанин, поляк и еврей;
Вот за стебли они дружно взялись
Вырывая остатки корней,

Говорят: «С глаз долой, замарашку,
Изведём её навсегда,
Чтоб от плевалов дикой Рашки
Не осталось впредь и следа!

Не понять нам, за что так лестно
Воспевать не цветок, а так, —
Никому почти неизвестный,
Хоть и златоголовый сорняк».

Отвечаю им: «Пусть невзрачен,
Он, как русский дух, вездесущ,
Сердцу мил и душе приятен,
С ним не надобно райских куц.

Пусть и не примечателен вроде
Желтоглазый зелёный росток, —
Он в моём генетическом коде,
Как ромашка и василёк,

Как берёзка и синяя речка,
Как в росе луговая трава,
И хоть жизнь, говорят, быстротечна, —
Наша кровь в поколениях жива!

Ничего не проходит бесследно,
Вам аукнется наша беда,
Воссияет над Русью победа!
Вы же сгинете кто куда».

...Вот и осень дождливою сеткой
Накрывает рябину в огне.
Облетает моя сурепка,
Увядает, и кажется мне:

То не дождь над сибирским раздольем
Тихо каплет всю ночь до утра,
То от слёз материнских и вдовьих
Мать-земля так темна и сыра.

Я срываю цветок сурепки,
Подношу к онемевшим губам, —
Память детства, держащую цепко
Образ Родины, я не отдам.

Отгорюет Сибирь, отплатит,
Утешенья найдет слова,
Для неё ведь так много значит
Золотистая эта трава.

Всё закончится, верую крепко:
Семена упадут, прорастут
Снова выпустит стебли сурепка —
Новой жизни победный салют!

2 октября 2025 г.

**ЕВГЕНИЙ
ДЕМИДОВ**

НГУ, ММФ-85

Памяти деда

Я не помню деда... Я его не знал...
Бабушка сказала, что он воевал,
Что его призвали на фронт в сорок
втором,
Что ответил он ей лишь одним
письмом.

Он писал из части — не сказал, какой...
Он писал, что завтра утром будет бой:
Перед нами речка, очень широка.
Вражья артиллерия роет берега.

Вражьи миномётчики по понтонам бьют.
Снайпера проклятые подняться не
дают.
Не страшны нам пули и разрывов гром.
Всё равно прорвёмся — проплывём
с плотом!

За нами ведь — Россия, Родина и мать.
Нас не остановишь, нас не испугать!
Я за вас, любимые, жизнь готов отдать.
Но так хочу вернуться к вам
и расцеловать!

Знаю, Богом сказано — что, кому,
когда...
Будем биться насмерть мы супротив
врага.

Я не помню деда, я его не знал.
Я горжусь, что дед мой — жизнь за нас
отдал!

7 апреля 2026 г.

Василиса
Пимнева

**ЛАРИСА
ЕЛИСЕЕВА**

ветеран НСО,
волонтер

Здесь и там

Мир сегодня застыл между «быть» и «не быть»,
Нам же стать на распутье не время:
Светлым силам и разуму веря,
Волонтер выбирает — служить.

И от каждого здесь (и для каждого там)
Там зависит отрезок пространства
Между между «жить» и «не жить». Только
братство
Умереть не позволит штурмам.

«Не могу я помочь», — этих слов нет у нас:
Дроны, грелки найдём, свяжем сети.
Мир и радость рисуют вам дети,
В небо льются молитвы о вас...

Мы — тыл

А у нас на плечах нет погон-эполет,
А у нас на плечах — о мальчишках забота:
Им в тылу каждый день помогать должен
кто-то,
И главное заботы у нас в сердце нет.

До зари мы встаём и в вечерний озноб
Сушим, режем, плетём, шьём, пакуем и
вяжем,
Попоем, посмеёмся, поплачемся даже,
А потом замолчим и помолимся, чтоб

У окопной свечи язычок не погас,
Для трёхсотых всегда были жгут и носилки,
Чтобы письма детей дали воинам силы...
Да, защитник Отечества — каждый из нас.

Он и я

Мне с рассветом кивает клён,
А ему на рассвете — взрыв.
В небе он наблюдает дрон,
Я — снежинки, ладонь открыв.
Держит он наготове ствол,
Я же — спицы, крючок и нить.
Я молю: «За Россию стой»,
Верит он, что России жить.
Я не ведаю, кто же он,
И не виделась он и я.
Ты останься, сынок, живой,
Пресвятая, услышь меня.
Знает он: я — надёжный тыл.
Знаю я: он — заслон от бед.
Бог Россию не позабыл —
Мирный встретим для всех рассвет.

О счастье

За окном по моренебу
Позолоченной пирогой,
Словно быть, а может, небыль,
Месяц движется двурогий.
Под одной со мною крышей,
В тишине, где свет потушен,
Мерно, тихо счастье дышит
На одной со мной подушке.
В это время где-то войны:
Чьё-то счастье погибает
И под чьей-то крышей с болью
Одиночество рыдает...
Тишь ли, вопли — меры нету
На земле. А месяц строгий
Всё плывёт по моренебу
Позолоченной пирогой...
Обитатель светлых далей, —
Он везёт святые души
Тех, кто праведными пали
Ради счастья шёпот слушать...

Победный май

Май! И видеть, и слышать,
И чувствовать
Помогает острее.
И вдумчивей

Песни маю поём
Величальные —
Продолжается время
Пасхальное:

Жизнь воскресла, смерть
смертью
Поправшая,
Слёз и радости много
Познавшая.

Раскрываются почки
Упругие;
Всякий птах не один,
А с подругою.

Дни страна отмечает
Победные —
Ленты всюду трепещут
Двухцветные...

Память... Памяти... Памятью...
В память о... —
Как рефрен о героях, кто
Пал на той...

И кто выжил, кто жизни дал
Буйствовать,
Чтоб увидеть... услышать...
Почувствовать...

День Победы

В День Победы нашу старенькую маму
Снова крепко обниму и попрошу
Вспомнить день победный радостного
мая,
А потом об этом дочке напишу.

Я письмо — её рассказ — пошлю
в конверте,
Чтобы дочь могла листочек подержать
И прибрать его в альбом от круговерти,
А настанет время — детям показать.

Жду я мая, чтоб приехать к нашей маме.
Будем долго обо всём мы говорить —
«Проживу» с ней от июня до синь-мая,
И в Маньчжурию «поеду» с ней служить.

А потом споём, как город в дымке тает,
Как смола слезою катится в огонь...
Я услышу, как мальчишка умирает
И как папе в штыковой снесли ладонь.

Мы поплачем. Кто ж над нами посмеётся?
В день такой нельзя нам это запретить.
Васильковый взгляд Победы мамин
льётся...
Попрошу её как можно дольше жить.

5 апреля 2009 г.

Руки Ангела

На исходе ноября снег кружится —
Сеть зелёная видна: не укрыться.
Но не сложит Ангел рук — занят делом:
Он плетёт другую сеть — в цвете белом,

Вяжет оберег — носки и перчатки,
Всем подарок припасается сладкий,
Ищет банки лить окопные свечи,
Нашеломники плетёт каждый вечер,

Сушит ягоды, борщи, каши сушит,
Чтобы воину всегда было лучше.
Пятиточечник, носилки ли, спички
И нательное бельё самолично

Передаст: он в наше верит собратство,
Не оставит без тепла, без лекарства.
Ангел молится о воине каждом.
День Победы встретим все мы однажды.

Всё вернётся всем из нас — бумерангом.
Знает всё и может многое Ангел.

Из архива

**РУСЛАН
ШАРИПОВ**

преподаватель
СУНЦ НГУ

*В память о китайском
добровольце Чжао Жуге*

Великий сын китайского народа
Пал смертью храбрых, смертью смерть
поправ.
Пусть дождь и снег, нелетная погода,
Но мститель-дрон проносится
стремглав.

Он видит все: окопы и ячейки,
Вон там блиндаж, «сапог» и пулемет.
И пусть заряда мало в батарейке,
Никто от мести дрона не уйдет.

Под сеткой ящики: снаряды иль гранаты?
Отлично! Подтверждаю цель!
Пике. Удар! И громкие раскаты
Услышал даже натовский Брюссель.

Вот это тризну справили ребята!
Братишка Чжао будет очень рад.
Навечно в списках Памяти отряда
Китаец Чжао. Доброволец. Брат.

**ДАРЬЯ
РОМАНОВА**

учащаяся лицея
«Технополис»

Маленький герой

В тот день замкнулся мальчик быстро:
Не суждено ему пилотом.
Гул высоты и взрывы близко
Все это — адски страшный рокот.
До ужаса сводило руки,
Ног он не чувствовал —
Бежал по полю к тем немногим
Кто, прячась, в чаще выживал.
К тем, спал кто на сырой земле,
Кто ел — что под руку найдется,
К тому, кто на своей земле
Стоял не до заката солнца.
И он бежал, не разбирая вовсе:
То елки, то листва в глаза.
Он верил: мать еще вернется
От немцев... и будет жива.
Мальчишка конопатый и курносый,

И в высоту он — два вершка.
Мальчишка, выросший во взрослый
Год, в который началась Война.
Не от хорошей жизни стал он
В лесах таежных чутко спать.
Он записался в партизаны:
Да не могли его не взять.
И что ж, что только десять лет-то?
И ростом вышел, ну, сойдет.
Ведь главное: мотает ленту
Шнура — значит связь пойдет.
«Мальчишка малый нам в пехоте
Еще поможет, видит Бог», —
Смеялся сухо дядька. Вроде
Ему мальчишка и помог
Потом, через два года,
Когда над полем немцы били
Он выполз дяденьку забрать.
Ранение ведь, а бомбили
То поле. Но стоять мальчишка
Не стал ни секунды, ползя,
Он приближался к дядьке,
Взвалил его и потащил оттуда.
А после скинул только в чаще
Израненного и слепого —
От взрыва опалил глаза.
«Эй, дяденька, скажи хоть слово», —
Молил мальчишка. И жива
Молитва эта оказалась:
Старик вдруг молвил:
«Видит Бог, тебе, ребенок,
Сильно сдалось
Тащить больного за собой».

28 мая 2025 г.

Луна над куполом блестела...
Не поднимается рука
Сжечь все, что нам осточертело,
От чего кругом голова.
Мигают звезды в полнолуние,
И скромно жидется закат.
Очередное новолуние —
Все так же. Нет пути назад.
Не дрогнет человек босой
Пустив огни из сотни ружей.
Подернуты тела росой
И им никто не мил, не нужен.
Не зазвенят здесь голоса,
Свободу громко восхваляя.
Сияют только небеса —
Внести в мир что-то умоляя.
У нас сквозь кулаки и ад, и пламя
В каждом волчьем взоре.
Алеет рьяно ветреное знамя,
Поник наш город будто бы в декоре...
Зажгут шальное в сердце пламя,
Доложат обо всем сердцам,
Воспрянут духом, посветлеет знамя
И скажут «нет» могилам и гробам.

26 сентября 2025 г.

Чем труден век? К чему рыдания,
Мол, раньше лучше было. Как?
Не ведали вы сострадания.
Что, люди гибли просто так?
С надменным воплем вы: «О, Боже!
Избавь от трудностей ты нас»
Вы вспомнить явно не готовы
Про Ленинград и про Кавказ.
И про поэтов ссыльных тоже
Молчат мятежные уста.
Как было жить им? Чуть тревожней?
Так и не думали тогда.
Не стоит память ваша строчек,
Написанных певцами правды?
Скрываетесь от заморочек
Ради чего? Ради забавы?
Что ваши гаджеты, смартфоны,
Когда кругом такая гладь:
И моря синие просторы,
Поля, леса, да благодать.
Неужто вы забыли разве,
Как в детстве все мечтали стать
Врагам ногой на гадкой язве,
Чтобы Отчизну защищать?
«Не отступать» клялись вы раньше,
Что ж стало с клятвой теперь?
Она зарыта вместе с ранцем
Иль сунута в сундук? Проверь!
Не помните вы разве, дети,
Как любознательными были?
Хотели знать про все на свете,
Но Бой у высоты забыли.
Они-то били кулаками
Подушки колкие, сырые,
Когда окопы там копали
Без сна, дай бог, сутки вторые?
А Таня плакала тогда
У стен больного Ленинграда?
И все ж она жила.
Жила назло этим исчадиям Ада.
Но грохнет там глухой заряд
И горизонт осветит вспышка,
Они во всю уж голосят
«О, Боженка, прости!». Пустышка
Вся ваша гордость напускная.
Зачем она раз чести нет?
Молился будем, братья, в Рае,
А тут нам надо умереть.

18 марта 2025 г.

Информационная газета «Вести наукограда», № 101 от 08.05.2026.
Зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Сибирскому федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 54 – 00932 от 18 февраля 2022 года.
Учредитель: Муниципальное бюджетное учреждение «Центр информатизации наукограда Кольцово».

Адрес издателя и редакции: 630559, Новосибирская обл., р. п. Кольцово, 12, оф. 2.
Телефон: +7 (383) 336-50-15. E-mail: pr@onkinfo.

Главный редактор: Сычев В. Ю.

Ответственный редактор: Долгушев В. В. Художественный редактор: Долгушев В. В.

Фотограф: Колодеев И. Корректор: Елисеева Ю. С. Верстальщик: Ехменин А. А.

Отпечатано в типографии АО «Советская Сибирь» (г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104).

Тираж: 4 000 экз. Подписано в печать 08.05.2026, по графику — в 20:00, фактически — в 19:00.

Распространяется бесплатно. При перепечатке материалов ссылка на «Вести наукограда» обязательна.